

ВЕЛИКИЕ СЫНЫ ВЕЛИКОГО ТУРАНА. «ТУРКМЕНСКИЙ СЛЕД» МУСТАФЫ ШОКАЯ

Муканова Гюльнар Кайроллиновна
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
Gulnar_mukanova@mail.ru

Ключевые слова: Туркестан; Шокай; Хан-Йомудский; Овезбаев; Хаджиев

Домыслы и страсти «по Шокаю» утихнут не скоро. Тем интереснее взглянуть на его «азиаду», маршруты передислокаций и колоссальной напряженной борьбы за интеграцию народа Туркестана (читай – Средней Азии и Казахстана) – темы тонкой, требующей и тогда, глубоких знаний культуры и прошлого, большого такта. То была Его миссия, ради которой он жертвовал собственной жизнью: здоровьем, благополучием. Казахские историки несколько обходят тему сотрудничества Шокая с туркменскими лидерами рубежа 19-20 веков, тогда как источники отражают тесные связи казахской элиты с туркменской. Едва встретившись в Тифлисе с супругой, Марией Яковлевной, вослед за ним перебравшейся из «революционной» России на Кавказ, он отправился с верным спутником, пересекая Каспий, в Ашхабад. Кто его сопровождал? Какова была цель поездки? Какое отношение имела гибель 26-ти бакинских комиссаров к поездке? Эти и другие аспекты малоизвестной биографии нашего соотечественника познаются, спустя почти столетие.

Именно казахско-туркменские братские связи в период национального самоопределения надо изучать и возвращать в учебники и научные сборники. Эта страница борьбы за самоопределение помогут раскрыть детали идентификации, социального поведения элиты, многие «белые пятна». Незаслуженно забытые имена и поступки, героизм поколения, проливавшего кровь за свободу и честь своих народов, должны быть возвращены потомкам.

В истории часто можно встретить запоминающиеся страницы, которые затем трудно воспринимать в фокусе вновь открывшихся фактов. Такова драма «расстрела 26-ти бакинских комиссаров», которая ассоциируется с борьбой за Каспий, нефтяные запасы и идеологией большевиков, ставших жертвой некоего международного заговора-интервенции... Гражданская война в России 1918-1920 годов оставила за собой кровавый след, ружья стреляли повсюду, лозунги призывали убрать с дороги врагов коммунизма... Расстрелы, массовые и одиночные, списывались «именем революции» и т.д. Тем не менее, гибель 26-ти бакинцев потрясла Мустафу Шокая, и он с присущей ему принципиальностью отправился вместе с Вадимом Чайкиным, которого знал по Туркестану, для независимого прояснения ситуации. Надо было спасать оставшихся в живых детей и жен погибших.

В официальной историографии этого расследования, упоминается лишь имя Чайкина В.А., тогда как вели расследование и обращение в Интернационал, как международную организацию, подписали два человека: Шокай и Чайкин. Эсер Вадим Афанасьевич Чайкин, старше Мустафы на два

года, стал жертвой репрессий и был расстрелян под г. Орлом в сентябре 1941 года. /Так называемый Медведевский расстрел, по названию села Медведево, массовое уничтожение членов семей высшей политической и военной элиты СССР – Гамарника, др./ Совпадение года – 1941 – гибели Чайкина, Шокая и многих других деятелей идейного сопротивления режиму Сталина, далеко не случайно; они были «лишними» свидетелями промахов большевиков-коммунистов, активно публиковали на Западе мемуары, в коих роль Сталина была мизерной, мельком упоминался Троцкий. Имя Шокая отсутствует в советской историографии. Почему, возникает вопрос. Ради чего? Разве он не общался тесно с В.Чайкиным, который выезжал в Ашхабад, допрашивал свидетелей, обеспечивал безопасность членов семей погибших? Разве не подпись Шокая вместе с Чайкиным стоит под официальным обращением в Социалистический Интернационал? Это нам и предстояло выяснить.

В Интернет-источниках и доступных теперь, переведенных на русский язык в том числе, мемуарах супруги Шокая, Марии Яковлевны, упоминается друг семьи Вадим Чайкин, который оказал неоценимую организационную помощь Мустафе и Марии в момент их эмиграции. Об этом славном человеке можно прочесть в справке из Википедии. Правда, в ней, составленной российскими исследователями, тоже не упоминается его знакомство с казахскими лидерами «Алаш» (тем же Шокаем). Возможно, составителям справки об этом известно мало или неизвестно вообще.

Что сдружило эсера Чайкина и лидеров «Алаш», которые поначалу разделяли взгляды партии кадетов? По всей вероятности, сочувствие трудному быту туркестанцев, жизнь которых наблюдал Вадим, работая со страшим братом в Андижане. Старший брат его (имя не выяснено) в Андижане издавал газету «Туркестанский голос», /1/ не ясно, как он вообще попал в Среднюю Азию и какие взгляды разделял. Брату младшему, Вадиму Чайкину, судьбой было уготовано познать российскую действительность: он испытал тюремные заключения и от царской жандармерии, и от большевиков.

После следствия о гибели 26 бакинских комиссаров, Чайкин, имевший склонность к публицистике (отец – журналист, брат – работает в редакции), написал и издал в Москве книгу с подробностями эксгумации тел погибших, допросов (среди допрошенных были те, кто упоминал имя А.Микояна, будущего руководителя Казахской республики). Затем, в целях соответствующего идейного воспитания, по заданию партии была написана картина художником И.Бродским о расстреле комиссаров, были выдуманы их прощальные речи и т.п. агитационные «фейки», выражаясь современными медиа-терминами. Коммунистам было выгодно переложить вину на международную контрреволюцию, Антанту, самих «азиатов», туркмен, словом, истинная картина событий была густо замазана идейными красками.

Что до Мустафы Шокая, который, со слов Марии Яковлевны обсуждал тему с Вадимом Чайкиным, будучи в Тифлисе и, по некоторым сведениям, даже выезжал на место преступления, то он не стал акцентировать внимание на том, к какой партии принадлежали погибшие, а действовал как гуманный человек. Искренне сопереживая семьям комиссаров, прагматик Шокай

рассуждал, что в Ашхабаде сможет встретиться по данному поводу с представителями коалиционного туркмено-английского правительства, резидентами США, и выяснит их взгляды на судьбы Туркестана в целом.

С другой стороны, Шокай знал со слов В.Чайкина, что гибель комиссаров была следствием той ненависти и помутнения разума, которую испытывали люди, оказавшиеся в горниле войны, вынужденные выбирать между жизнью – и смертью, между «белыми» и – «красными», между большевиками и – внешними наблюдателями. Здесь должен был вмешаться международный нейтральный суд, именно это стало окончательным мотивом к обращению в Социалистический Интернационал.

Шокай принял решение на месте, как человек, в тот период не имевший гражданства, сам еще находившийся между небом и землей, в подвешенном состоянии, - эмигрант, надеявшийся быть услышанным. Здесь не было никакой корысти, - он не рассчитывал на реальный ответ или содействие, и все-таки подписал это обращение вместе с социалистом-революционером Чайкиным. При позитивном исходе, семьи погибших могли получить какую-либо материальную дотацию. Вполне вероятно, что поступил таким образом Шокай, уступая просьбам родственников семей погибших комиссаров, и как мусульманин, откликнувшись на чужую беду. В этом он весь, пылкий и бросающийся на помощь в беде, стоявший выше межпартийных разборок, хорошо ориентировавшийся в структуре и иерархии европейской общественности. В любом случае, обращение его и Чайкина было способом обратить внимание извне на ненормальную ситуацию в России после прихода большевиков... Издевательства, пытки, в том числе моральные, массовые убийства... Реалии совдепии. Они словно предугадали, как широко развернется карательная длань Сталина. Сам Чайкин станет в 1941 году жертвой массового расстрела. По необъятной стране СССР будет запущена система ГУЛаг, и если тогда европейская общественность отреагировала бы на инцидент с 26 бакинскими комиссарами, то, возможно, был бы остановлен на корню механизм массовых репрессий...

Такова истина. По утверждению казахстанского историка, профессора К.Есмагамбетова, Мустафа Шокай вместе с Чайкиным посетил Туркмению весной 1919 года. То было опасное для жизни перемещение, ведь территория, заселенная туркменами, в ходе борьбы переходила то в руки «красных», то оставалась под патронажем англичан. Шокай мог сам стать жертвой гражданского противостояния. У него были знакомые среди туркмен. И еще ему было важно воочию увидеть тех, кого именовали в советской прессе «басмачами», исследовать корни социального явления, узнать, кто стоял за ними, какие цели они преследовали, кроме возвращения земель и т.д. Впоследствии Шокай напишет о явлении басмачества как протестной деятельности народов Центральной Азии.

Читаем у К.Есмагамбетова: «Ақпан айы /1919. – Г.М./ күндерінің бірінде Бакуден кішкентай екі бортты кемемен жолға шыққан М.Шокай мен В.Чайкин келесі тәулікте Красноводскіге жетеді. 22 ақпанда бұл жерде көп аялдамай, Закаспий үкіметінің астанасы –Асхабадқа келеді. Оларды кемеден шыққан

бойда-ақ тұтқынға алуы әбден мүмкін еді. Алайда ағылшындар өз тыңшылары арқылы Бүкілресейлік Құрылтай жиналысының екі депутаты келе жатқандығы жөнінде хабардар болғанға ұқсайды. Олар Асхабадқа Ресейде Шығыс халықтарының тұрмыс-салты мен тарихы бойынша еңбектерімен танымал Н.Н.Хан-Йомудскиймен пойызда бірге келеді. М.Шокай онымен Түркістаннан таныс болатын, кейін тағдыр айдап екеуң де Парижде тұрады»./2; 196/

То есть, в феврале 1919 года Шокай с Чайкиным пересекают Каспий, и, заручившись поддержкой бакинцев, предварительно разыскав и информировав туркменского лидера Н.Хан-Йомудского, знакомого ранее, они благополучно, с молчаливого согласия британского командования, державшего под контролем Ашхабад, приступают к выполнению своего плана. Чайкин ведет расследование, Шокай же, на наш взгляд, устанавливает контакты с резидентами нескольких держав и местными активистами. Данный визит Шокая по ряду причин не получил огласки и освещения в историографии, тогда как он многое объясняет: как впоследствии он получал прессу из Туркестана, какие имел выходы на зарубежные миссии и т.д. Публикации туркменских ученых /см.ниже/ помогли нам выяснить, что казахско-туркменские связи были настолько развиты, что в состав правительства Туркестанской /Кокандской автономии вошли уроженцы Ахабада, и наоборот, туркменские казахи активно участвовали в строительстве Туркменской автономии и союзной республики.

Визит в Ашхабад был по всему первой дипмиссией М.Шокая: не случайно, по его следам будет написано обращение в инстанцию, на тот момент имевшую международное влияние. Приводим полный текст письма:

«Швейцария, Берн,

Секретариату Международной социалистической конференции.

Комитет по созыву Туркестанского Учредительного Собрания, в виду обнаруженных им на территории Туркестана, фактов чрезвычайного значения, позорящих культурное человечество и повелительно требующих вмешательства Интернационала, считает своим долгом уведомить Секретариат международной социалистической конференции, что из состава едущей в Россию делегации должны быть выделены уполномоченные (лица), которые посетили бы Туркестан и исследовали, пользуясь правом экстерриториальности, имевшие здесь место злодеяния последнего периода. Дешпи на имя будут приняты радиостанциями: Туркестан, крепость Кушка, Кавказ, Баку – морская радиостанция, Тифлис – радиостанция Грузинской Республики.

Председатель Мустафа Чокаев.

Секретарь Вадим Чайкин». [3]

В конце письма указаны контакты отправителей: Кавказ - Азербайджан (Баку) и Грузия (Тифлис), Туркестан - граница с Афганистаном (Кушка), что косвенно указывает на активную сеть соратников Шокая. Он по-прежнему уповает на коммуникации: радиостанции! Скорость приема и передачи информации – архиважно. Диапазон и хватка Шокая поразительны: все силы на спасение родного Туркестана! Мы обратили внимание и на тот статут, от

имени которого подписали это обращение в Берн М.Шокай и В.Чайкин, а именно: Комитет по созыву Туркестанского Учредительного Собрания. Здесь Шокай апеллирует к идеалам Думы и февральско-мартовских событий 1917 года в России, когда царь Николай отрекся от престола и это означало: готовиться в регионах к выборам уполномоченных для созыва Учредительного Собрания.

По данным Википедии, «...Вадим Чайкин был кандидатом ПСР (партии социалистов-революционеров. – Г.М.) в Учредительное собрание от Ферганского округа. Делегат 4-го Съезда ПСР (ноябрь-декабрь 1917). Избран на съезде в состав ЦК ПСР. Возглавлял в ЦК Национальную комиссию, издавшую тезисы для пропагандистской работы «Учредительное Собрание и национальный вопрос». Участвовал в разработке проекта федерализации России». /1/ То есть, Чайкин придерживался курса на равноправие народов России и в данном случае, весной 1919 года Шокай и Чайкин еще надеялись на временный характер власти большевиков. Они старались обратить внимание Европы и европейских социалистов на ужасающие массовые расправы в России и на ее окраинах. – Таковую деятельность логично отнести к грамотным действиям уполномоченных лиц, выступающих от лица избирателей, большой массы соотечественников. Судя по формулировке, и Чайкин выступает в этом случае как лицо, представляющее интересы Туркестана, не эсеров, как принято в советской историографии и современных публикациях. Если быть точными до конца, к моменту гибели 26-ти бакинских комиссаров, В.Чайкин из ЦК партии эсеров, вышел. Это мы узнаем из его биографии:

«Депутат Учредительного собрания Чайкин участвовал в заседании (Учредительного собрания) 5 января 1918 г. После разгона Собрания, выехал из Петрограда. Работал на Украине, Кавказе и в различных городах России по организации спасения Туркестана от надвигавшегося голода. Участвовал в Уфимском Государственном совещании, но демонстративно покинул его в знак несогласия с политикой «широкой коалиции». Вышел из ЦК ПСР (!) в ноябре 1918 г., отказавшись от вооружённой борьбы против большевиков. Вскоре Чайкин переехал в Оренбург, где принял участие в заговоре полковника Ф. Е. Махина против войскового атамана А. И. Дутова. Однако, заговор провалился, Махин был арестован дутовцами и выслан в Омск, откуда был отправлен во Владивосток. А Чайкин выехал из Оренбурга в западном направлении». [1] Далее официальная биография Чайкина сообщает о его деятельности в Тифлисе, без каких-либо объяснений, как он туда попал. Но мы-то знаем уже, что в Тифлис Чайкин перебрался вместе с Мустафой Шокаем, из воспоминаний Марии Яковлевны Гориной-Шокай. [4;25]

В письме в Швейцарию оба участника независимого расследования по 26-ти бакинским комиссарам, Шокай и Чайкин актуализировали значение Туркестана как региона, имевшего важное геополитическое значение. Они оба хорошо знали нужды Туркестана и к тому же были уполномоченными от жителей региона в Учредительном собрании, которое, в свою очередь, было разогнано большевиками. Недаром упоминается в письме в Берн и термин «экстерриториальность», - ведь речь идет о подмандатных землях, на которые

распространяется юрисдикция Англии, державы, имеющей политический вес в мире. Вынужденные эмигранты, они предпочли искать внешнюю поддержку, во имя Туркестана.

Вообще сведения о Чайкине В.А. и его взглядах и предпочтениях крайне разноречивы. Если в советских изданиях он представал как ярый социалист-революционер, и якобы расследовал гибель 26-ти бакинских комиссаров как член комиссии ВЧК, чуть ли не возглавленной людьми «Железного Феликса» Дзержинского, то современные интерпретации вносят иной колорит в описание его бурной деятельности на Кавказе и Каспии, более близкой к действительности, с учетом его знакомства с М.Шокаем.

Из Википедии: «В 1919 г. Вадим Чайкин стал представителем красно-зелёного*/5/ «Комитета освобождения Черноморья» в Тифлисе. В февралемарте 1919 г. Чайкин расследовал *по своей инициативе* крайне запутанные обстоятельства совершённой английскими интервентами и представителями Закаспийского временного правительства казни 26-ти «бакинских комиссаров» (в ночь на 20 сентября 1918 г.). Подробности их ликвидации сообщил Чайкину, как члену ЦК ПСР, товарищ по партии, председатель Закаспийского временного правительства, рабочий-железнодорожник Ф. А. Фунтиков». [1;47]

Экспедиция М. Шокая в Туркмению... “Была ли она!?” Чтобы развеять все сомнения, мы провели собственное исследование, обратившись к текстам самого Шокая. Строки, выведенные его рукой, подтверждают факт его пребывания в столице Туркмении:

«В бытность мою в Ашхабаде (резиденция правительства Туркмении) было решено, что, если мне не удастся обосноваться, хотя бы на некоторое время где-либо в Закавказье, я должен буду пробиваться в Европу, куда должны были приехать, вслед за мною, несколько человек из нашей центральной организации». [6]

«Наблюдая за поведением представителей держав (Англия, США) на Кавказе, Шокай вычислил позиции их покровителей. Об этом недвусмысленно сказано им: «В Ашхабаде, Баку и Тифлисе я имел встречи с представителями большой Европы. От этих встреч у меня остались крайне неблагоприятные впечатления, а именно я явно ощутил отсутствие намерения «у союзных держав» серьезно защищать кавказские республики в целом». Здесь он упоминает представителя «Версаля» американского полковника Хаскеля, английского генерала Маллесона, командующего вооруженными силами Англии в Закаспийской области (Туркмения), а также генерала Деникина. [7]

Между прочим, в своих трудах М.Шокай использует оба названия города: Ашхабад (Асхабад) и Полторацк. То есть изучал основательно, системно. Историческая справка:

«Название города произошло от слов: عشق (*eshq* «гашык, или любовь») и آباد (*ābād* «населённое место», «город»). С момента завоевания Туркменистана Российской империей город, официально перешедший к России по Ахалскому договору с Персией 21 сентября 1881 года, назывался Асхабад. Это название сохранялось до 1919 года. 17 июля 1919 года город был переименован в Полторацк в честь революционного деятеля и председателя

Совнархоза Туркестанской республики П. Г. Полторацкого. 27 октября 1927 года город получил название Ашхабад». [8]

В своей знаменитой книге «Туркестан под властью Советов М.Шокай вновь обращается к теме национального самосознания туркмен, когда пишет:

«Ташкентские газеты «Правда Востока» (от 12 окт.1927г.) и «Кзыл Узбекистан» (от 14 окт.1927 г.) приводят изумительный документ о том, что «под видом рационализации и удешевления аппарата отмечен ряд случаев увольнения и сокращения работников основных национальностей». Или же вот:

- В наркоматах сидят узбеки-практиканты, научившиеся за четыре года только подшиванию бумаг. В почтово-телеграфных отделениях ходят (узбеки-практиканты) с корреспонденцией многие годы, не продвигаясь на более высокие посты. Я бы мог привести бесконечное число доказательств одурачивания советской властью французской делегации справками о «действительном» положении рабочих коренных национальностей.

Вот декабрьский номер официального журнала «ЗА ПАРТИЮ». Читаем следующее:

- На крупных промышленных предприятиях мы имеем крайне низкую прослойку рабочих основных национальностей. Так, в Первомайских мастерских (в Ташкенте) эта прослойка равна 2,1%, а по отношению к квалифицированным рабочим она равна лишь 0,6%. Депо Полторацк (Ашхабад) на 1.204 рабочих мест имеет туркмен 5,9%...». [7;103]

Его сердце билось в надежде, оно обливалось кровью при известиях об очередном унижении национального достоинства гордых туркменского и узбекского народов-собратьев. Туркменская поездка Шокая вывела его на размышления и выбор иного пути борьбы: идеология, публицистика, убеждение.

Что касается собственно туркменской историографии периода Независимости, то мы познакомились с исследованиями академика АН Туркменистана Соегова М., который специализируется на теме репрессированных соотечественников. Мурадгелди Соегов обнаружил в архиве Института рукописей Туркмении в Ашхабаде рукопись пьесы, посвященной тем событиям 100-летней давности. Ученый-филолог из Туркмении, в частности, указывает на факт знакомства М.Шокая с туркменскими активистами в период создания им «Кокандской» автономии: «11 – 12 июля 1918 года в Ашхабаде было создано Закаспийское временное правительство (или Временный исполнительный комитет Закаспийской области), в состав которого наряду с другими вошли туркмены: полковник Ораз-сердар, подполковники Ходжагелди Хаджи-Мурадов, Николай Хан Иомудский (Карашхан оглы, 1868 – 1928) и Сейитмурат Овезбаев (1889 – 1937). Кстати, С.Овезбаев был заочно утвержден в должности военного министра правительства «Кокандской автономии», возглавляемого Мустафой Чокаевым (Шокайулы, 1890 – 1941). В последующем С. Овезбаев стал одним из многочисленных жертв «большого террора» 1937 – 1938 гг.». [9]

Итак, Шокай был хорошо знаком с туркменскими деятелями и даже приблизил к себе (в 1917-1918 гг.) в качестве военного министра будущей Туркестанской автономии (в которую должны были в идеале объединиться все тюркские народы Центральной Азии), туркмена Сейитмурата Овезбаева (1889 – 1937). Ради чего, зададимся вопросом и кем был Сейид Мурат? /Имя его и фамилия пишутся по-разному на сайтах-поисковиках жертв репрессий. На одном из них читаем:

«ОВЕЗ-БАБАЕВ Сеид Мурат, род. 10.05.1889. Родился в селе Изгант. Из семьи потомственных текинских ханов. Окончил школу при Туркменском кав. дивизионе, по рекомендации генерала А.Н.Куропаткина был отправлен в Оренбургский кадетский корпус, который закончил в 1906 г., а затем продолжил учебу в Елизаветградском военном училище. В 1909 г. в чине младшего офицера прибыл в Ставропольский полк, но уже через год получил назначение в дивизион. В 1911 г. Сеидмурат был послан вместе с некоторыми джигитами в служебную командировку в сопредельные районы Персии. В 1912 г. в составе туркменской делегации, состоявшей из самых известных ахалских ханов, на 300-летию Дома Романовых в Санкт-Петербурге побывали Сеидмурат Овезбаев и Хаджимурад. Штабс-ротмистр (на 1917). Делегат и 2-й товарищ председателя «Областного съезда делегатов уездных туркменских комитетов» (Асхабад, 10-14 мая 1917), на котором учрежден «Областной туркменский комитет». [10]

Таков Овезбаев, знакомый Шокаю, аристократического происхождения, имевший блестящее по тем временам военное образование, светский лоск и опыт заграничных походов. К слову, старший брат Сейидмурата наряду со службой исполнял обязанности имама Текинской кавалерии. Возможно, они встречались с Шокаем ранее в Санкт-Петербурге... Для единения Туркестана, такого порядка персоны могли сыграть активную роль, полагал Шокай. Да и обученные кавалерист нужны для обеспечения безопасности будущего государства. – Знал ли он, что текинцы преданы генералу, наполовину казаху Лавру Корнилову? Об этом в истории есть любопытные свидетельства:

«В I мировую войну блестяще показал себя Текинский конный полк: все офицеры были удостоены боевых наград, а большинство всадников – георгиевских крестов и медалей. Особо отличились в боях такие офицеры-туркмены, как Хан Хаджиев, Ораз-Хан-Сердар, Хаджи-Мурат, Юсуф-Хан, Селяб Сердар, Сеид-Мурат Овезбаев, унтер-офицеры Юсуп-Али Мередов, Момми Аллаберди-оглы и др.» [11]

«В 1917 г. полк принял активное участие в выступлении генерала Л.Г.Корнилова. Именно из текинцев состоял личный конвой генерала под командованием поручика Хана Хаджиева в период московского Госсовещания, в переговорах Корнилова с Временным правительством в Петрограде. Как описывал очевидец этого А.Ф.Керенский: «Медленно ехавший автомобиль Корнилова охраняли скакавшие рядом с суровыми лицами солдаты-туркмены, одетые в алые халаты, с кривыми саблями на поясах. Впереди и позади двигались открытые автомобили, полные туркмен,

вооруженных пулеметами. Когда процессия приблизилась к Зимнему дворцу, Керенский с изумлением, не веря своим глазам, увидел из окна верхнего этажа, как туркмены соскочили с автомашин и устремились к входу. Установив в главном вестибюле пулемет, они встали рядом, готовые, если понадобится, силой вызволить своего командира». В глазах туркмен Л.Г.Корнилов (выросший в Средней Азии, сам наполовину казах, прекрасно владел тюркскими языками, в т. ч. туркменским, что добавляло ему популярности среди текинцев) был «Улла Бояр» – «Великий Бояр» (именно так назвал свою книгу о Корнилове, вышедшую в Белграде в 1929 г., Хан Хаджиев)». [12]

О другом туркменском деятеле, патриоте, Николае Хане Йомудском нам и ранее встречались упоминания, порой даже его фамилию неверно трактуют как очередной псевдоним М.Шокая. Оказалось, то был реальный человек, Карашхан оглы, (годы жизни 1868 – 1928), и вместе с ним Мустафа Шокай в поезде добирался до Ашхабада.

Как известно, Ашхабад на рубеже 19-20 веков находился в зоне влияния англичан; об этом в советское время писали с негативных позиций, что составляет объективную трудность исследования и прочтения тематических публикаций. Геополитический расклад региона, составлявшего лакомый кусочек для вложения капиталов, притягивал как магнит взоры не только царского двора, но и Лондона, Тегерана, Кабула... Шокай преодолевал эти и иные препоны и устанавливал реальные контакты с элитой туркмен, находил общие точки в понимании ситуации и предстоящей борьбе за освобождение народа Туркестана. Надо оговорить, что ислам, как общая религия, вопросы веры и языка в тот период были платформой для интеграции казахов, кыргызов, туркмен, узбеков, татар. Это хорошо понимал Шокай, педалируя тему общности на совещаниях, в публичных выступлениях. Иначе, объединить регион, много веков управлявшийся внешними векторами по принципу «разделяй и властвуй», было бы невозможно. – Забегая вперед, мы бы опровергли имеющиеся в литературе обвинения М.Шокая в «панисламизме», - то был временный если не лозунг, то индикатор идентичности, трактованный им более как философский, нежели политический, фактор. При всем при том, на наш взгляд, именно мусульманство отпугивало от платформы Шокая и других «туркестанцев» таких потенциальных союзников, которых они видели в лице англичан.

Практика управления восточными колониями Лондона, выверенная на примере Индостана и даже легшая в основу книг Маркса и Энгельса об азиатском способе производства и методах британского владычества в Индии, априори предполагала отказ от сближения с национальными лидерами. Щедро снабжая туркмен оружием и подогревая их антисоветские настроения, Великобритания вынашивала вполне земные планы контроля над нефтью Каспийского бассейна. Marionеточные правительства, в том числе Туркмении, первой четверти XX века в конечном счете не достигли своей цели, временные управители вынуждены были эмигрировать, оставляя свой народ на произвол судьбы.

Одним из полузабытых личностей, по М.Соегову, был «герой Первой мировой войны, первый туркменский генерал, бывший командующий «Белой Армией» в Закаспийской (Туркменской) области Ораз-сердар. После окончания Пажеского корпуса, в звании корнета, Ораз-сердар вернулся из Петербурга на Родину, через несколько лет службы был назначен командиром Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, выполнявшего функции пограничной службы. В 1914 году, когда ему было уже 43 года, в чине майора или подполковника, он стал командиром одного из подразделений Туркменского (Текинского) кавалерийского полка, храбро воевавшего на фронтах Первой мировой войны».

Специфика развития постреволюционной ситуации в Туркестане известна исследователям. «После Февральской и Октябрьской революций 1917 года в большинстве окрестностей России, в том числе Закаспийской области, не приняли новую верховную власть, в первую очередь, власть большевиков, и начали создавать местные и национальные органы власти.

«... В ночь с 11 на 12 июля (1918 г.) в городе (Ашхабад) вспыхнул антисоветский мятеж, власть захватили эсеры, меньшевики и кадеты. Новое Закаспийское временное правительство арестовало и расстреляло ашхабадских комиссаров и в течение 9 дней взяло под контроль всю территорию Закаспийской области. Правительство опиралось на вооружённые дружины русских рабочих, недовольных принудительной мобилизацией в Красную Армию, боевиков армянской партии «Дашнакцутюн», а также вышедших из подполья офицеров Текинского конного полка. Из текинцев была сформирована Текинская кавалерийская дивизия под командованием полковника бывшей царской армии Ораз Хана Сердара». /13/ Кавалерия в Туркмении составила сердце антибольшевистского сопротивления; бойцы имели опыт ведения боевых действий; словом, столкновение социального недовольства масс с категоричной линией большевиков на создание федерации, сопровождалось гибелью порой мирных дехкан и кочевников.

В советской литературе применялся ярлык «басмачи», «басмачество», заимствованный западными авторами... Мало кому было известно, что во главе масс стояли обученные романовскими генералами, потомки туркменской аристократии, выпускники Санкт-Петербургского пажеского корпуса. Это – реальный факт, Шокай, будучи знаком с историей туркмен и имевший общие моменты в аристократическом происхождении и столичном образовании с потомками туркменских ханов и сердаров, легко с ними сошелся на общей платформе борьбы за независимость. Разумеется, он не приветствовал массовые казни, которые порой практиковали текинцы, о чем сохранилось упоминание сокамерников В.Чайкина по орловской тюрьме.

Ведь, как сам Чайкин рассказывал С.О.Газаряну: «Картина Бродского «Расстрел 26-ти бакинских комиссаров» исторически неверна. Они не были расстреляны, а были обезглавлены. При этом исполнителем казни являлся только один человек - туркмен, исполинской силы богатырь. Этот туркмен один, своими собственными руками шашкой обезглавил всех».

Между тем, обсудив с М.Шокаем результаты расследования, Вадим Чайкин опубликовал их в бакинских газетах (11-12 марта 1919) и «Известиях ВЦИК» (25 июля 1920), а затем в книге «К истории российской революции» (М.: изд. 3. И. Гржебина, 1922, вып. 1), в которой изложил версию рассказа опрошенного им свидетеля казни 26-ти бакинских комиссаров. То есть, при поддержке М.Шокая надо было максимально осветить данный инцидент в прессе, чтобы привлечь внимание общественности, в том числе на Кавказе, к ужасам гражданского противостояния в Туркестане.

Безусловно, Шокай с Чайкиным были пацифистами, единственным их оружием было перо, Слово, никак не оружие. Впрочем, и такие отчаянные воины, как туркменские конники, были нужны, пока не достигнуто было желанное единство Туркестана. Здесь очевидна разница в методах борьбы, интеллигентность Шокая диктовала ему искусно использовать такие рычаги цивилизованного сопротивления, как мнение мировой общественности, к которому периодически апеллировал: через Лигу наций, Интернационал, а также посредством русской польской, украинской, грузинской, турецкой и казахской прессы, разумеется той, что работала в условиях эмиграции.

/.../ Разумеется, в советских НИИ в годы «застоя» наскоро были изданы сборники документов и материалов, отобранных в одностороннем порядке. Мы их можем найти в книгохранилищах и ныне. /14/ Составители и редакторы сборников получали хвалу, премировались, быть может, однако студенты, изучавшие историю региона и народа Туркестана по этим материалам, не могли разобраться, кто такие «басмачи» и, кто такой Чокаев и что такое «чокаевщина», - имена и ярлыки, упоминавшиеся почти в каждом рапорте в Москву из Средней Азии... Только с обретением Независимости, исследователи из постсоветских стран получили доступ к архивам, чтобы возродить забытых героев и общую картину борьбы народов Туркестана за национальное самоопределение.

Что стало далее с туркменскими героями, спросит читатель? Академик М.Соегов пишет: «Перед эмиграцией в Иран (и дальше, через Дальний Восток, в Мексику) Бегназар Хан Хаджиев (1895-1966), как священную реликвию о героизме и мужестве кавалеристов-туркмен, проявленном им в боях Первой мировой войны, передал Знамя доблестного Текинского конного полка своему командиру Ораз-сердару. Генерал Ораз-сердар эмигрировал в Сербию и сдал Знамя на хранение в один из православных храмов Белграда. Дальнейшая судьба генерала не подтверждена документально. Предположительно, туркменский генерал Ораз-сердар перевел остаток жизни вдали от родного края, на чужбине, умер в 1929 году в Белграде и захоронен там же. Знамя Туркменского полка в 1945 году после освобождения Белграда от немецких войск, было передано советскому маршалу Ф.И.Толбухину. Оно было перевезено в Центральный Музей Вооружённых Сил в Москве, где, разумеется, должно храниться и по настоящее время».

Заслуги сердара Ораза по отстаиванию национальной государственности, не забыты. «Из последних англоязычных работ по данной теме (2004 г.), - делится коллега из Ашхабада, - можем указать на большую

статью (объемом в 48 стр.) «Британский конфликт в Закаспийской области (1918-1919)» М. Саргента (Michael Sargent), из которой узнаем, что первому туркменскому генералу со стороны Британской короны был присужден почетный титул сэра: “Sir Oraz Sirdar K.C.M.G.” [15]

Туркменияда Шокая – большая эпопея, исторический факт. Был он там, как нам представляется, не раз, инкогнито, преследуя стратегические цели освобождения Туркестана. Мексиканские следы эмиграции туркмен еще предстоит изучать; очевидно, Мустафа Шокай использовал позже заграничные (туркменские) контакты Нового Света для распространения журналов «Яш Туркестан» и «Ени Туркестан» ... Для него все были братьями: объединенные его со-знанием, со-туркестанцы, разные по нраву, горячие головы, бесшабашные конники, более всего ценившие на этом свете Свободу. Шокай ведь тоже мог перебраться через Иран и Дальний Восток в Мексику или США. Но его ждала в Тифлисе верная Мария Яковлевна, не единожды доказавшая мужу свою храбрость, которую ей диктовало любящее сердце... Из города любви, Ашхабада, Мустафа возвращается на Кавказ... Европеида его только начиналась. Впереди предстояла трудная, нужная Родине, достойная Великой Степи, кропотливая работа.

Общность исторических судеб казахского и туркменского народов проявилась и в период репрессий, когда «туркменских деятелей обвиняли в причастности к придуманной в стенах ОГПУ-НКВД антисоветской организации “Туркмен-Азатлыгы”, тогда как для задержания национальных деятелей в Казахстане таким поводом, как известно, служила организация «Алаш-Орда». Органы НКВД даже «выявили» несуществующие ячейки «Алаш», якобы действовавшие среди казахов Туркменистана» [16]

Активизировать межкультурные контакты немаловажно. Это дает урок истории молодым, расставляет справедливо акценты. Совместную поисковую и публикаторскую работу с коллегами из постсоветских стран Центральной Азии необходимо возродить. Ведь знание прошлого учит уважать традиции. Философия самопознания кристаллизует идентичность.

Источники и литература:

1. Вадим Афанасьевич Чайкин (1886 - 1941) - эсер, журналист, политический деятель. Википедия. https://wiki2.org/ru/Чайкин,_Вадим_Афанасьевич
2. Есмағамбетов К. Жолайрығында // Шоқай М. Шығармаларының толық жинағы. 12 том. 1-том. Алматы: Дайк-Пресс, 2012.
3. Чайкин В. К истории Российской революции. Вып.1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922. СС. 23-24.
4. Муканова Гюльнар. Троицкий лабиринт // Айкап. 2018 № 1.
5. В современной историографии гражданской войны в России используется термин «Зелено-красные», куда кстати относят и басмачество, и крестьянские мятежи против поборов со стороны «белых» и «красных».

Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%86%D1%8B>

6. Муканова Г. «Грузинский след» Мустафы Шокая // Мысль, 2016 № 3.

7. Шокай Мустафа. Туркестан под властью Советов. Париж, 1935 г. (переиздано на англ.яз. Mustafa Chokay. Turkestan under Soviet Power, Oxford, 1986.

8. Википедия. Ашхабад. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%88%D1%85%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%B4>

9. На сайте Открытый список жертв политических репрессий находим: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D0%B2%D0%B5%D0%B7%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2_%D0%A1%D0%B5%D0%B8%D0%B4_%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D0%B2%D0%B5%D0%B7%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2_%D0%A1%D0%B5%D0%B8%D0%B4_%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4_(1889)) о нем: Овезбаев Сеид Мурад (1889)

Уроженец с. Изгант (Ызгант) Асхабадского уезда Закаспийской обл. (совр. Геоктепинский этрап Ахалского веляята, Туркменистан); туркмен; образование среднее; служащий. Выпускник Оренбургского кадетского корпуса. Офицер царской армии (штаб-ротмистр в 1916) и Белой армии. Награжден орденом Св. Станислава III ст. (май 1915) и орденом Св. Анны (февраль 1916). В 1918 командир подразделения Текинского полка, заочно утвержден в должности военного министра правительства «Кокандской автономии», возглавляемого Мустафой Чокаевым. Перед арестом экономист-плановик Госплана Туркменской ССР. Приговорен Коллегией ОГПУ 10.05.1933 по ст.ст. 58-2, 11 УК РСФСР к 10 годам заключения. Срок отбывал в Соловецком лагере, содержался на лагпункте Кремль. Приговорен 09.10.1937 Особой тройкой УНКВД ЛО к высшей мере наказания. Расстрелян 27.10.1937 в урочище Сандормох (Карельская АССР). Реабилитирован.

10. <https://centrasia.org/person2.php?st=1508660656>

11. «Ислам в Санкт-Петербурге. <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3399>

12. Там же.

13. Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар в истории и литературе // Jazyk a kultúra číslo 16/2013. www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/soegov.pdf

14. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы, т. I. Май 1918 – сентябрь 1919 г. Алма-Ата, 1963; т. II. Сентябрь 1919 – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964; Ташлиев Ш. Т. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, т. I. Ашхабад, 1974; т. 2. Ашхабад, 1975 и др.

15. Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар // Jazyk a kultúra číslo 16/2013.

16. Соегов М. Взгляд на недавнюю историю казахов-уроженцев Туркменистана, через судьбы их представителей // Сб. «Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии». – Уфа, 2016. – С. 348–356.

Аннотация. В статье казахского востоковеда Гюльнар Мукановой, на базе обновленной методологии, доложены результаты авторского исследования - малоизвестные факты из истории сотрудничества казахских лидеров «Алаш» и политической элиты Туркменистана на этапе национального самоопределения.

Түйін. Қазақ шығыстанушысы Гүлнар Мұқанованың мақаласында жаңартылған әдістеме негізінде авторлық зерттеулердің нәтижелері - қазақ халқының «Алаш» және ұлттық өзін-өзі анықтау кезеңінде Түркіменстанның саяси элитасы арасындағы ынтымақтастық тарихы туралы белгісіз фактілер ұсынылған.

Abstract. In the article of the Kazakh orientalist Gulnar Mukanova, based on the updated methodology, the results of the author's research are presented - little known facts from the history of cooperation between the Kazakh leaders “Alash” and the political elite of Turkmenistan at the stage of national self-determination.